

1

Львов больше не осталось. А когда-то львы были. Нет-нет и в мерцании жара на равнинах очерк их бега еще мелькал на сухом ветру, смуглый, великий и мимолетный. Нет-нет и вздрагивала медового цвета луна от безмолвия призрачного рева в восходящем воздухе.

И колесниц больше не осталось. Колесницы, утратившие ветер и бездорожные в ночи, спали на высоких своих колесах, притихнув в гробнице последнего царя.

Развалины царского дворца выкопали из земли. Вокруг цитадели, где раскопали дворцовые здания, дворы, храмы и гробницы, — сетчатый забор. У ворот — сувенирная лавка и буфетный киоск.

Колонны и потолочные балки, падшие и выведенные термитами, поместили ярлыками и расчистили. Шакалы среди них больше не охотятся. Где раньше грелись на солнце змеи и ящерицы, дневной свет поступает нынче сквозь стеклянные люки в крыше новой постройки,

облекшей громадный зал, где в камне вырезана царская охота.

Образы лошадей и людей, колесниц и львов измараны непогодой, стерты дождем, выщерблены и источены пылью, что жалила их, когда выл сухой ветер. Теперь новые стены вокруг них, новая кровля над ними. Температура поддерживалась термостатом. Жужжал безмолвием кондиционер воздуха.

Жена и сын были у Яхин-Боаза, и жил он в городке вдали от моря. С площади взлетали голуби, ныряли над нею и вновь усаживались на глиняные стены, красные черепичные кровли. Фонтан бил стройной серебряной струей среди старух в черном. Собаки знали, где всё, и сновали в переулках позади лавок, словно по делу. С высоких мест поглядывали кошки, исчезали за углами. Многие женщины стирали в каменных корытах у городской колонки. Проезжая в автобусах через город, из окон выглядывали туристы и видели, как торговцы, продававшие желтую медь, слоновую кость и ковры, пьют кофе в тени навесов. Посреди улицы курили продавцы фруктов и овощей.

Яхин-Боаз торговал картами. Он покупал карты и продавал их, а некоторые, для особого пользования, составлял сам или заказывал делать другим. Этим же ремеслом занимался его отец, и стены лавки, что принадлежала еще отцу, были увешаны глянцевыми голубыми океанами, зелеными трясинами и пастбищами, бурыми и оранжевыми горами, бережно заштрихованными. Продавал он карты городков и равнин, а иные делал на заказ. Юно-

ше он мог продать карту, какая показывала, где можно отыскать одну особенную девушку в разные часы дня. Продавал он карты мужей и карты жен. Поэтам продавал карты, на которых было видно, где другим поэтам в голову приходили мысли силы и ясности. Продавал карты, по каким копать колодцы. Продавал святым людям карты видений и чудес, лекарям — карты болезней и несчастных случаев, ворам — карты денег и драгоценностей, а полицейским — карты воров.

Яхин-Боаз пребывал в том возрасте, какой называется средним, однако сам не верил, что впереди у него столько же лет, сколько позади. Женился он очень юным и женат был теперь больше четверти века. С женой своей часто бывал он бессилен. По воскресеньям, когда лавка не работала, а Яхин-Боаз весь долгий день оставался дома с женой и сыном, он пытался выкинуть из ума пожизненное свое отчаяние. Часто думал он о смерти, о том, что его не станет, а громадное темное плечо мира вечно будет отворачиваться от его ничто в черноте навеки. Лежа со спящей женой, он увиливал от смерть-мысли, раскрыв глаза и кривясь в темноте спальни над лавкой. Часто снились ему покойные мать и отец, когда спал он на их кровати, но очень редко мог припомнить он свои сны.

Порой Яхин-Боаз засиживался один в лавке допоздна. Лампа с зеленым абажуром на письменном столе отбрасывала его тень на карты позади него на стене. Он ощущал безмолвное ожидание всего искания и обретения, какое жило в картах, развешанных по стенам,

сложенных стопами в выдвигаемых ящиках шкафов. Закрывал он глаза — и видел четкие линии разными цветами, что отмечали пути переселений рыб и животных, ветров и океанских течений, путешествия к сокрытым источникам мудрости, тропы сквозь горы к жилам драгоценных металлов, тайные пути по городским улицам к запретным удовольствиям.

Закрыв глаза, он видел карту своего городка, где площадь, городская колонка, каменные корыта для стирки, улица с торговцами и сам он были закреплены и постоянны. Затем вставал он из-за стола и бродил туда и сюда по темной лавке, касаясь пальцами карт и вздыхая.

Вот уже несколько лет Яхин-Боаз работал над картой для своего сына. Из множества различных карт, что прошли через его руки, из сообщений тех, кто приносил ему сведения, и землемеров, из книг и дневников, какие он читал, из собственных записей и наблюдений составил он громаду подробного знания, и знание это вправлено было в карту для его сына. Он постоянно что-то прибавлял к ней, усовершенствуя, а необходимое исправляя, чтобы карта никогда не устаревала.

Жене и сыну Яхин-Боаз о своей карте ничего не говорил, но тратил на нее почти все свое свободное время. Он не думал, что сын примет от него лавку, да и не хотел этого. Хотел же он, чтобы сын его отправился в мир, и хотел, чтобы сын для себя отыскал этого мира больше, чем нашел он, Яхин-Боаз. В наследство мальчику он отложил немного денег, но большим его наследием

должна была стать карта. Ей полагалось быть ни много ни мало, а генеральной картой всех карт, которая покажет сыну, где найти все, чего бы ни пожелал он искать, и тем самым обеспечит ему подобающее начало в мужской жизни.

Сына Яхин-Боаза звали Боаз-Яхин. Когда ему исполнилось шестнадцать, отец решил, что настало время показать ему карту карт.

— Все на свете что-то ищут, — сказал Яхин-Боаз Боаз-Яхину, — и благодаря картам все, что отыскано, уже не теряется. На стенах и в шкафах этой лавки — целые века отысканья.

— Если все отысканное никогда больше не теряется, отысканью когда-нибудь настанет конец, — заметил Боаз-Яхин. — Придет такой день, когда станет нечего отыскивать. — Он больше походил на мать, чем на отца. Его лицо было таинственным для отца, тот чувствовал, что если постарается угадать мысли сына — чаще окажется неправ, чем нет.

— Такими словами молодые люди любят выводить из себя старших, — ответил ему Яхин-Боаз. — Очевидно же, что всегда можно отыскать что-то новое. А если говорить об уже отысканном, ты бы что — предпочел, чтобы все знание выбросили, дабы ты стал невежей, а мир обрел новизну? Этому они учат тебя в школе?

— Нет, — сказал Боаз-Яхин.

— Рад это слышать, — сказал Яхин-Боаз, — ибо прошлое — отец настоящего, как я — твой отец. И если